

**МИНИСТЕРСТВО ВЫСШЕГО И СРЕДНЕГО СПЕЦИАЛЬНОГО
ОБРАЗОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН
УРГЕНЧСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ АЛЬ-ХОРЕЗМИ**

**Кафедра «Русского языка и литературы»
Специальность: 5111300 – «Русский язык и литература
в иноязычных группах»**

РЕФЕРАТ на тему:

**Проблема жанра в творчестве
Саши Соколова**

Сдала:

**Абдуллаева Л., студентка
401 группы отделения
русского языка и литературы
факультета иностранных языков**

Принял:

**Рузимбаев Х.С., кандидат
филологических наук, доцент**

Ургенч – 2015

ПЛАН

Введение

**ГЛАВА I. Саша Соколов как видный представитель
постмодернизма**

1.1. Художественные особенности прозы Саши Соколова

1.2. Проблема жанра в творчестве писателя

Заключение

Список литературы

Введение

Александр Всеволодович (Саша) Соколов родился в 1943 году в Канаде, где его отец работал в советском посольстве. Через три года семья вернулась на Родину. Саша Соколов учился в Военном институте иностранных языков, затем на факультете журналистики МГУ, печатался в разных газетах. Жил он то в Москве, то в провинции, предпочитая берега Волги, где какое-то время работал егерем. В 1975 году эмигрировал в Канаду, с 1989 года часто бывает в России. Сашей Соколовым написаны три книги ("Школа для дураков", 1973; "Между собакой и волком", 1980; "Палисандрия", 1985) и эссе ("Тревожная куколка", "На сокровенных скрижалях", "Знак озаренья", "Palissandr - c'est moi?"). Чтобы прочитать Соколова, необходимо забыть многое из того, что известно о романе, о литературе вообще. В противном случае не будет никакого другого впечатления, кроме недоумения. Читателю ничего не остается, кроме как воспринимать произведения в соответствии с законами, предлагаемыми самими книгами.

Через все творчество Саши Соколова проходят "сквозные" темы, мотивы, формулирующие его художественный мир. Здесь все условно, зыбко, нереально, персонажи дwoятся, трoятся, отражаются один в другом, разделяются на части, которые начинают спорить друг с другом. Повествование движется как бы само собой, не подгоняемое и не регулируемое автором. Действие может вдруг быстро понестись вперед, а может остановиться, словно "зацепившись" за мысль, образ, слово. Однажды возникнув в тексте, какое-то слово, часто с авторским, окказиональным значением, порождает эхо, которое потом долго звучит, иногда преобразуясь до противоположности. Персонаж может один раз появиться на страницах и сгинуть навсегда, а может, исчезнув страниц на сто, вдруг выплыть на поверхность в совсем неожиданном месте. Кроме того, у героев совершенно особые отношения со временем: будущее, настоящее, прошлое сосуществуют, не мешая друг другу. Поэтому умершие приходят к живым,

завлекают их в свой смертельный хоровод или, наоборот, герой не может умереть, постоянно перевоплощаясь.

Романы Соколова построены по закону ассоциации, причем сумеречной, полуподсознательной, на грани сна, яви и мифа. Иногда это мотивная, образная ассоциация. В "Школе для дураков" сквозные мотивы и образы скрепляют даже не главы, а абзацы и фразы в текст. Иногда основным приемом выявления общего смысла становится лингвистическая ассоциация, "прицепляющая" одно слово к другому, один период к другому по принципу игры со словом. Русский язык является одним из главных действующих лиц всех книг Соколова. Такого чувства языка, слова нет больше ни у кого из современных русских писателей, может быть, только у И.Бродского.

Две первые книги Соколова были опубликованы почти одновременно с романом Дж. Оруэлла "1984", откуда на страницы публицистики хлынул целый поток цитат, терминов, в том числе "новояз" - деформированный, доведенный до абсурда язык, лишенный не то что коммуникативной, но даже номинативной функции, не говоря уж об эстетической. Блестящий русский язык романов Саши Соколова - противовес "новоязу", напоминающий, что язык жив и потенциальные возможности его безграничны.

Попытка сформулировать некие общие идеи, темы и мотивы, образующие художественный мир Соколова и проходящие через все его книги, была предпринята одним из самых авторитетных американских исследователей его творчества Дж.Бартоном Джонсоном в статье "Sasha Sokolov's Twilight Cosmos: Themes and Motifs". Их взаимодействие отображено литературоведом в остроумной схеме. В двух первых книгах река и железная дорога - определяющие элементы пространства, в "Палисандрии" герой путешествует по железной дороге. Река Лета, текущая на страницах всех книг Соколова, везде связывается с мотивами смерти и бессмертия. Другие мотивы - времени и безвременья; памяти, дежавю и амнезии; секса и любви - в той или иной степени присутствуют в каждом романе Соколова, образуя их многомерное пространство. Книги Саши

Соколова предельно универсальны в том смысле, что в них творится собственный универсум, космос, хотя и сумеречный, по Бартону Джонсону.

Сумерки - другое важное для творчества Соколова понятие. В "Школе для дураков" - это состояние потери ориентиров, в котором пребывает герой-подросток, пытаюсь и одновременно боясь перейти в мир взрослых. В книге "Между собакой и волком" сумерки тоже основополагающий элемент поэтики. В "Палисандрии" сумерки переходят на уровень фантазмагоричности всей российской истории. Есть еще одно понятие, которое необходимо иметь в виду, говоря о произведениях Соколова, - творчество, одна из главных тем писателя. В "Школе для дураков" весь мир, предстающий перед нами, сотворен и придуман главным героем. В "Между собакой и волком" и "Палисандрии" эпистолярное и мемуарное творчество незаметно подменяет собою реальность.

Своеобразие творчества Саши Соколова ярче всего проявляется на уровне жанра. Практически все зрелые произведения писателя представляют собой сплав различных жанров, становясь мультижанровыми и даже сверхжанровыми в своём стремлении преодолеть любые формальные ограничения. Заметная роль Саши Соколова в современном литературном процессе и своеобразие его жанровой системы обуславливают **актуальность** настоящего исследования.

Научная новизна обусловлена тем, что впервые исследуются ранее не изучавшиеся произведения Саши Соколова, предлагается новый взгляд на его зрелое творчество, прослеживается эволюция работы писателя с жанрами, выявляются индивидуально-специфические черты творчества Саши Соколова в жанровом аспекте.

Объектом исследования является творчество Саши Соколова, начиная с ранних газетных публикаций и заканчивая зрелыми произведениями.

Предмет исследования – жанровая система творчества Саши Соколова, жанровая специфика его отдельных произведений, эволюция писательской работы с литературными жанрами.

Цель исследования – выявить своеобразие творчества Саши Соколова через рассмотрение его жанровой системы.

Поставленная цель предполагает решение следующих **задач**:

- включение ранних произведений Саши Соколова в общий контекст его творчества;
- анализ ранних произведений Саши Соколова с точки зрения жанрового подхода;
- выявление жанрового своеобразия эссеистики Саши Соколова;
- рассмотрение романов Саши Соколова как мультижанровых произведений;

Материалы исследования могут быть использованы в курсе лекций по современной русской литературе, а также при подготовке докладов, выступлений.

Структура работы: реферат состоит из введения, одной главы, заключения и списка литературы.

ГЛАВА I. Саша Соколов как видный представитель постмодернизма

1.1. Художественные особенности прозы Саши Соколова

Саша Соколов — русскоязычный писатель современного литературного зарубежья. На обложке первого изданного романа Соколова читатели могли прочесть слова В.В.Набокова: “Школа для дураков” - обаятельная, трагическая и трогательнейшая книга”. Мастер как бы передавал береженную в изгнании лиру долгожданному наследнику.

Отсюда и возник соблазн, которому поддаются многие, пишущие о “Школе для дураков”, — видеть в Саше Соколове одного из питомцев Набокова. Однако, в интервью журналу «Октябрь» писатель утверждает, что он не читал ко времени создания первого романа ни одной книги Набокова. А ведь мало кому из прозаиков, искавших в 70-е годы новые способы работы с русским словом, удалось избежать прямого или косвенного воздействия автора “Дара” и “Лолиты”.

В самом отношении к языку эти писатели сильно расходятся. Нигде у Саши Соколова мы не почувствуем стремления отшлифовать слово до абсолютной прозрачности, как у Набокова. Напротив, слово Соколова выпукло, многосоставно, оно постоянно отслаивается все новыми значениями. Так, пригородная железнодорожная ветка, по которой герой некогда ездил на дачу, оборачивается цветущей веткой акации, в свою очередь, превращающейся в школьную учительницу ботаники Вету Акатову - предмет мальчишеской страсти рассказчика.

В мире Саши Соколова неодушевленные предметы и явления, будь то велосипед, бочка или флюгер, не говоря уже о ветре, реке и лилии, наделены характером и способностью воздействовать на сюжет. Писатель стремится полностью подчинить себя языковой стихии. “Выкатим на свет Божий бочку повествования - и выбьем, наконец, затычку”, - рассуждает его литератор, Запойный Охотник из романа “Между собакой и волком”. Далее освобожденный словесный поток движется уже как бы по своей воле. Он

обрушивается многостраничными каскадами однородных периодов и, прорывая линию сюжета, уходит в сторону, чтобы, кружа и петляя, выскочить где-то рядом с истоком, когда мы уже почти забыли, с чего, собственно, автор начал.

Набоковские эпитеты "обаятельный", "трагический", "трогательнейший" говорят не столько о мастерстве Саши Соколова, а об эмоциональном воздействии его книги. Поэзия детства в "Школе для дураков" родственна мотивам, звучащим во многих русских романах Набокова, и наиболее отчетливо — в "Других берегах". Однако место дворянской усадьбы занимает в "Школе для дураков" дача отца героя, представителя русской номенклатуры среднего уровня. В роли домашних гувернеров и преподавателей выступают здесь учителя школы для умственно отсталых детей. А функции повествователя, или главного героя, берет на себя воспитанник этой школы, подобно Набокову обожающий бабочек и велосипедные прогулки. Однако герой Соколова страдает раздвоением личности и "избирательной памятью", не способной различать происшествия важные и незначительные, реальные и вымышленные, а главное, предшествующие и последующие.

Душевное расстройство рассказчика сказывается на технике писателя, строящего свой текст как непрерывный внутренний монолог, обращенный к другому себе. В монологе этом начисто стираются все временные и причинно-следственные связи. Поэтому события, о которых идет речь, ощущаются как одновременные, а вернее — как единое многомерное событие. Автор то и дело ставит в скобках после глаголов их формы прошедшего и будущего времени, не давая забыть, что все, происходящее в книге, происходит (происходило, будет происходить) сейчас и всегда. Так, герой продолжает жить на проданной даче и учиться в оконченной школе, а его любимый учитель географии Павел (Савл) Петрович Норвегов, сидя на подоконнике в школьном туалете, пытается припомнить обстоятельства собственной смерти. Любые попытки выстроить последовательный сюжет

оказываются заведомо бессмысленными. Повествование скользит по кругу одних и тех же лиц, подробностей и впечатлений.

Расставание с детством, юностью, угасание любви, потеря близких, старение, смерть - все это является традиционными темами литературы. Саша Соколов ставит под сомнение самый ход времени, растворяя человеческое существование от рождения к смерти в субстанциях природы и языка.

В своей второй книге "Между собакой и волком" Соколов организует время иначе. Оно здесь не стоит на месте, но идет, изменяя скорость движения в разных точках художественного пространства. "...Давай с тобой не время возьмем, а воду обычную... - поучает героя книги, точильщика Илью Петрикеича, егеря Крылобыл. И продолжает: "В заводи она практически не идет, ее ряска душит, трава, а на стрежне стремглав; так и время функционирует... в Городнице шустрит махом крыла стрижа, приблизительно, в Быдогоще - ни шатко ни валко, в лесах - совсем тишь да гладь". "Принял я это к сведению, - радуется точильщик, - и заездил на будущем челноке в позапрошлом".

Читатель, если он хочет понять, что же все-таки произошло в книге, вынужден постоянно возвращаться назад, к уже пройденному. При этом перспектива событий, открывающаяся из каждой точки текста, непрерывно смещается по мере изменения ракурса. Такой оптический эффект очевидным образом передает атмосферу книги, само название которой означает время сумерек. Именно в сумерках точильщик Илья принимает на замерзшей реке охотничью собаку за волка и вступает с ней в бой. Эта схватка становится в одном из сюжетных сцеплений причиной его гибели от рук разъяренных егерей.

Среди убийц Ильи Петрикеича - охотник и поэт Яков Ильич Паламахтеров, второй герой книги. Изысканно книжный слог поэта перемежается в романе диалектной речью точильщика. Такой стилистический контраст был использован Сашей Соколовым еще в "Школе

для дураков": там основная часть повествования с её бесконечно льющейся фразой отенена главой "Теперь", состоящей из кратчайших новелл, написанных нарочито бедными предложениями. Во втором романе столкновение двух повествовательных пластов подчеркнуто поэтическими "Записками Запойного Охотника". Стихи охотника занимают в общей сложности приблизительно треть книги.

В отличие от стихотворений Юрия Живаго произведения Якова Паламахтерова — не просто плоды вдохновения его создателя. Это в полной мере лирика Запойного Охотника, неотделимая от его личности, сознания и образа жизни. Лирика эта совершенно не понятна вне прозаической части романа. Начиная как поэт, Саша Соколов наделяет своего косноязычного персонажа недюжинным стихотворческим даром. Герой обладает феноменальным чутьем к звучанию слова: "Неклен. Наклюкался — клен Клен. Оклемаешься — неклен. Сумерками ослеплен, медленной тлею облеплен". Способность точно следовать за движением языка сочетается с неумением с ним совладать. Этот прием уже отчасти знаком нам по "Школе для дураков" с ее умственно отсталым рассказчиком.

Преемственность между обеими книгами Саши Соколова проявляется порою в самых неожиданных деталях. Так, в ландшафте "Между собакой и волком" нетрудно угадать приметы местности первого романа: реку, пруд кладбище, железную дорогу. Однако весь пейзажный реквизит перемещен здесь из окрестностей большого города в глубь и в глушь России, в верховья Волги, носящей на страницах книги свое древнее название Итиль. Между тем во втором романе прямо поименованная Заитильщина или Заволжье, служит лишь условным обозначением затерянного угла земли. Конкретные исторические места здесь столь тщательно перепутаны, что приурочить описываемые события к какому-либо определенному отрезку столетия оказывается невозможно.

Важную роль играет в художественном мире Саши Соколова живопись Питера Брейгеля Старшего. Впервые описание картины "Охотники

на снегу" возникает во второй главе романа, когда Яков Ильич Паламахтеров рассказывает о своем возвращении с охоты. Затем этот пейзаж возникает в стихотворении "К незнакомому живописцу". Здесь вид, запечатленный Брейгелем, оказывается чуть приукрашенным изображением Городнища, — города нищих, поблизости от которого обитает Яков Ильич. Так получает свое объяснение яростная приверженность всех героев романа к катанию на коньках. Едва ли всем нынешним обитателям волжских берегов свойственна эта страсть, но она связана мощным пучком культурных ассоциаций с Нидерландами XVI века. Да и самый сумеречный колорит книги несет на себе отблеск полотен Брейгеля.

Связь с живописью Брейгеля романа "Между собакой и волком" не ограничивается "Охотниками на снегу". В романе оживают излюбленные герои Брейгеля: нищие уродцы, калеки и слепые. Инвалиды у Саши Соколова, как, собственно, и у Брейгеля, менее всего взывают к чувствам милосердия и сострадания.

Тема физического ущерба становится в романе еще одним воплощением Заитильщины. Это край, где ничего не строится, не производится и лишь изредка чинится, а чаще ветшает, приходит в негодность, ломается и крадется. Оскудевание земли от Брейгеля до Паламахтерова напоминает о судьбе Божьего мира, постепенно погружающегося в полумрак. Яков Ильич, оказывающийся в одном из сюжетных вариантов потерянным сыном Ильи Петрикеича, по трагическому неведению убивает своего отца. Погибшая Орина возвращается с того света в поисках суженого и высматривает его среди соблажников и собутыльников, готовых радостно уйти в небытие, повинувшись жесту ее руки.

Символическая вязь этой книги становится понятной только тогда, когда мы почувствуем, что перед нами литература, обращенная, как писал Набоков, "к тем тайным глубинам человеческой души, где проходят тени других миров, как тени безымянных и беззвучных кораблей".

1.2. Проблема жанра в творчестве писателя

Своеобразие творчества Саши Соколова ярче всего проявляется на уровне жанра. Практически все зрелые произведения писателя представляют собой сплав различных жанров, становясь мультижанровыми и даже сверхжанровыми в своём стремлении преодолеть любые формальные ограничения. Под мультижанровым произведением понимается такое произведение, которое состоит из нескольких основных жанровых единиц, а также включает в себя систему встроенных «служебных» жанров, призванных решать локальные художественные задачи в рамках отдельных описаний, сцен, ситуаций. Сверхжанровым может быть названо произведение, которое строится на стыке различных родов литературы, преодолевая тем самым какую-либо чёткую привязку к конкретным жанрам.

Раннее творчество Саши Соколова послужило своеобразной школой в работе писателя с жанрами, в этот период Соколовым были опробованы различные приёмы, которые затем стали играть в его произведениях жанрообразующую роль.

Эссеистика Саши Соколова представляет собой программные тексты писателя, в которых отражено авторское видение творческого процесса. В эссеистике Соколова наиболее ярко проявилось авторское «я» писателя.

Поэтическое творчество Саши Соколова, несмотря на свой незначительный объём, важно для понимания образного ряда и тематики всего творчества писателя.

Романная проза Саши Соколова, стремясь к эстетике необарокко, включает в себя стилистически различные «высказывания», требующие соответствующего жанрового воплощения, что влечёт за собой применение в рамках романной формы нескольких основных поджанров, а также целой системы встроенных жанров. Это позволяет говорить о мультижанровом характере романов Саши Соколова.

Свои поздние произведения Саша Соколов стремится сделать сверхжанровыми, выстраивает их на стыке сразу трёх родов литературы, выводя за пределы чёткой жанровой характеристики.

В раннем творчестве писатель использовал в основном художественно-публицистические жанры (в частности, очерк), потому что они лучше всего отвечали его главной задаче во время работы журналистом – отточить мастерство в плане жанровой (композиционно-стилистической и содержательной) организации текста. В большинстве случаев писатель отказывается от линейного построения повествования. Пользуясь жанровыми особенностями очерка, он субъективизирует реальность, внедряет в повествование разговорную речь как основное средство передачи описываемых событий.

Большое внимание в раннем творчестве Саши Соколова уделено его взглядам на природу искусства, на творческий процесс. Эти размышления писателя готовили содержательную основу его будущей эссеистики. Многие из жанровых форм, опробованных Сашей Соколовым в раннем творчестве, в частности, собственно литературно-художественные жанры, найдут своё отражение в качестве встроенных жанров в романной прозе писателя, а ряд освоенных Соколовым повествовательных приёмов, таких, например, как простое перечисление или заочный диалог, приобретут в его позднейшем творчестве жанрообразующий характер.

Эссе из сборника «Тревожная куколка» представляют собой цикл. Сборник открывается и завершается эссе, написанными в память о друзьях и литературных соратниках Саши Соколова – Карле Проффере и Александре Гольдштейне, что придаёт ему кольцевую композицию. Кроме того, все произведения, вошедшие в сборник «Тревожная куколка», разрабатывают близкие темы, подхватывают и продолжают мысли, начатые в предшествующих текстах сборника. Сборник эссе «Тревожная куколка» сравнивается с «интеллектуальным романом» Александра Гольдштейна «Аспекты духовного брака».

Наиболее продуктивным применительно к романному творчеству Саши Соколова является подход, связанный с теорией стилистических уровней, предполагающей, что каждой стилистически самостоятельной единице текста должно соответствовать её адекватное жанровое выражение. У Саши Соколова стиль (зависящий от того, кто из героев того или иного его романа в данный момент выступает в роли повествователя) часто является своего рода «инициатором» жанра, требует определённого жанрового оформления. Поэтому стилистически насыщенные романы Саши Соколова тяготеют не к единому жанру, а к мультижанровой структуре.

Название произведения позволяет отнести «Школу для дураков» к типу романа воспитания с циклическим становлением личности героя. В таком романе рассматривается «типически повторяющийся путь становления человека от юношеского идеализма и мечтательности к зрелой трезвости и практицизму. При этом внимание акцентируется на том, что в романе Саши Соколова речь идёт не просто о школе, а о школе для дураков. «Протрезвление» как результат прохождения «школы» – для героя Соколова является отрицательным результатом. Важным для него является сохранение собственного, не сломленного школой для дураков, сознания, сохранение «детского», лирического восприятия мира. На протяжении всей книги – в спорах со своим alter ego, в противостоянии скучному, скованному условностями миру взрослых, в борьбе против выхолащивающей сознание школы для дураков – герой проходит процесс «становления человека».

Среди важнейших особенностей первого романа Саши Соколова отмечается представление текста в виде постоянного диалога между двумя ипостасями повествователя, страдающего раздвоением личности. Писатель прибегает к диалогу, стремясь показать столкновение двух мировоззрений, двух систем ценностей. Полемическая основа диалога формирует модель построения текста и является сюжетообразующей формой, так как таит в себе главную коллизию – противостояние повествователя своему alter ego.

У «ученика такого-то» в романе есть и другие собеседники. Это в первую очередь его школьный наставник Павел (Савл) Петрович Норвегов, фигура которого отсылает к образам библейских апостолов Петра и Павла. Отмечается, что Норвегов выступает в романе как персонаж потустороннего мира: он появляется лишь для того, чтобы поговорить с «учеником таким-то». Таким образом, в повествовании моделируется диалог человека со своим небесным заступником.

Также в романе выделен диалог автора (который сам при этом становится персонажем книги) с героем. Между автором и героем присутствуют доверительные, дружеские отношения. В диалоге автора и героя раскрывается не только, и даже не столько, «воспитание» героя, сколько «воспитание» автора, его творческая работа и творческое взросление.

«Школа для дураков» посвящена «слабоумному мальчику Вите Пляскину, моему приятелю и соседу» (под этим посвящением стоит подпись «Автор»). Однако адресат этого посвящения не реален. По признанию самого Саши Соколова, Витя Пляскин – это зашифрованное название психического заболевания (пляски Святого Витта).

Вторая глава «Школы для дураков» написана уже не от лица повествователя, слабоумного мальчика, страдающего раздвоением личности, а от автора, который в свою очередь тоже является героем книги. Эта глава называется «Теперь рассказы, написанные на веранде». Название главы можно интерпретировать не только как единую фразу. В переводах «Школы для дураков» слово «Теперь» приводят в качестве заголовка, а словосочетание «рассказы, написанные на веранде» – в качестве подзаголовка, обозначающего жанр. В таком случае данная глава выступает в виде сборника рассказов, озаглавленного по одному из вошедших в него произведений – рассказу «Теперь». Указание на конкретное место написания рассказов можно понимать не только буквально, но и метафорически. Это место уединения художника, своеобразная «башня из слоновой кости».

Все рассказы связаны между собой сквозными образами и темами, что позволяет говорить о композиционном единстве главы. Первый и последний рассказы образуют кольцевую композицию – характерный для Саши Соколова приём при работе с малой прозой (например, композиция сборника эссе «Тревожная куколка»). Каждый из рассказов повествует в несколько абсурдистской манере о случае из жизни описываемого в нём персонажа. Местом действия многих рассказов является дачный посёлок, в котором происходит и большинство описанных в «Школе для дураков» событий.

Эта глава нужна для того, чтобы дать изображение отдельных персонажей не только глазами «ученика такого-то», но и глазами «автора книги». Однако среди рассказов, составляющих данную главу, есть ряд произведений, не имеющих непосредственного отношения к общему повествованию. Их предлагается рассматривать как описание личного опыта «автора», служащее для его самораскрытия как персонажа книги.

В третьей главе романа, «Савл», ключевая роль отведена своеобразному агиографическому описанию судьбы и дел Павла (Савла) Петровича Норвегова. Именно Норвегов рассказывает ученикам школы для дураков притчу под названием «Плотник в пустыне», которая отсылает к искушению Христа в пустыне. Кроме того, в романе можно найти аллюзию на образ Бога. Почтальон Михеев (Медведев), с развевающейся седой бородой и славой «насылающего ветер», которого все возвеличивают и все боятся, соотнесён с образом Бога-творца.

В качестве встроенных жанров в романе используются также сочинение на заданную тему, петиция, объяснительная записка. Все они связаны с процессом обучения «ученика такого-то» в школе для дураков. Эти жанры подвергаются в романе трансформации: школьное сочинение становится художественной зарисовкой, а петиция превращается в объяснительную записку. Немалую роль в повествовании играют различные фольклорные жанры.

В четвёртой главе «Школы для дураков», «Скирлы», выявляются связи с одной из старейших русских сказок, имеющей такое же название. Аналогом наводящего на всех окружающих страх медведя из сказки является Шейла Соломоновна Трахтенберг (Тинберген) – завуч школы для дураков, ведьма и соседка «ученика такого-то».

Кроме того, в текст «Школы для дураков» встроены различные присказки и пустоговорки. Они призваны придать повествованию разговорный характер и абсурдность (что необходимо, так как речь ведёт повествователь, страдающий психическими отклонениями). Сам процесс воспроизведения таких фольклорных единиц в речи рассматривается также как способ получения эстетического удовольствия.

Последняя глава «Школы для дураков», «Завещание», формально не соответствует заявленному жанру. Однако она тесно связана с традициями жанра завещания – идейно и стилистически. Именно в этой главе содержится притча о плотнике в пустыне, рассказанная Норвеговым на своём последнем уроке в школе для дураков. Эта притча является его духовным завещанием ученикам. Внутри главы отмечены и другие виды прощания: воображаемое прощание «ученика такого-то» со своей возлюбленной Ветой Акатовой, а также мотив расставания с детством и юностью. Жанр завещания осмысливается писателем в основном как прощальная речь (монолог) в различных своих видах.

Второй роман Саши Соколова «Между собакой и волком» (калька с латинской идиомы, обозначающей сумерки) состоит из нескольких пластов: писем одноногого точильщика Ильи Петрикеича Зынзырэлы следователю Пожилых, потока сознания Якова Ильича Паламахтерова и его же стихотворений. Читатель смотрит на события романа сквозь меняющийся взгляд меняющихся персонажей.

Именно в письмах Ильи Петрикеича излагается основная коллизия романа. Это связано с изобразительными возможностями данного жанра.

Жанр эпистолярного романа имеет богатую литературную традицию. Кроме того, существует устойчивая бытовая традиция написания писем.

Саша Соколов использует в романе «Между собакой и волком» ещё одну характерную жанровую особенность письма, связанную с тем, что общение между автором и адресатом не совпадает по времени и в пространстве. Мы не знаем, где именно находится Сидор Фомич Пожилых и отвечает ли он на письма точильщика Ильи, тем более что того уже утопили мстительные егеря.

В отличие от классического построения эпистолярного романа, представленные в виде писем главы «Между собакой и волком» имеют важную особенность – нарушение коммуникации. Нашему вниманию доступны только письма точильщика Ильи, мы не знаем, что ему отвечает, и отвечает ли вообще, следовательно Пожилых. Перед нами излюбленный Соколовым виртуальный диалог, больше похожий на монолог. Выдвигается предположение о том, что Илья Петрикеич в письмах не просто пересказывает свою жизнь, но и даёт оценку собственной личности, то есть здесь задействована модель оправдательной речи человека на страшном суде. Кроме того, упоминается об особом смысловом значении письма. Оно может быть рассмотрено не только как обычное послание, но и как весть.

Многие персонажи романа «Между собакой и волком» носят библейские имена. С помощью подобного номинативного сопоставления обыгрывается характерное для древнерусских текстов использование библейских параллелей, постоянная подспудная отсылка читателя к Книге книг.

Кроме того, в романе использованы жанры, относящиеся к деловой сфере – различного рода документы и т.п., а также к сфере быта – образцы разговорных жанров и фольклора. При этом жанры, относящиеся к деловому стилю общения, у Саши Соколова чаще всего стилистически искажены введением живой разговорной речи с сохранением, однако, правильной структуры и ряда официальных языковых штампов, характерных для того

или иного жанра делового общения. Фольклорные жанры могут даваться как в чистом, неискажённом виде, так и с добавлением интерпретации рассказчика, зачастую изменяющей смысл сказанного. Эти встроенные жанры необходимы для введения в повествование «реального контекста». Кроме того, фольклорные жанры служат социальной характеристике персонажей.

Все части романа повествуют об одних и тех же событиях. Однако, кроме такого тематического (сюжетного) единства в «Между собакой и волком» заметно также жанрово-стилистическое единство. Жанрово-стилистической формой, включающей в себя (стилистически поглощающей) все прочие жанровые единицы, здесь выступает сказ.

После долгого «творческого молчания» Саша Соколов неожиданно для многих стал публиковать свои новые произведения: «Рассуждение» (2007), «Газибо» (2009), «Филорнит» (2010). Каждое из названных произведений формально состоит из одного предложения.

Новые произведения Саши Соколова имеют необычную жанровую природу. Их невозможно связать ни с одним классическим жанром. Более того, формальные признаки позволяют отнести их сразу ко всем родам литературы: эпосу, лирике, драме.

Выдвинута гипотеза о том, что «Рассуждение», «Газибо» и «Филорнит» – это некий автокомментарий Саши Соколова к собственному творчеству. Тут в гиперболизированной, дешифрованной форме представлены также мифы, связанные с творческой судьбой писателя.

В 2011 году Сашей Соколовым был написан экспромт «Пересекая Тепсень». Он посвящён его другу – писателю, режиссёру, автору двух документальных фильмов о Саше Соколове – Максиму Гурееву. Экспромт этот выполнен в стиле «Рассуждения», «Газибо» и «Филорнита» – ритмизованной прозой, формально организованной в стихотворную строфу.

Этот текст близок художественной зарисовке, поэтому в нём нет такой разветвлённой структуры разделения повествования на голоса, как в

«Рассуждении», «Газибо» и «Филорните». Экспромт «Пересекая Тепсень» мог бы стать одним из ответвлений беседы, развивающейся в рамках «многоголосого повествования» в духе «Рассуждения», «Газибо» или «Филорнита», но не стал таковым в силу того, что описывает конкретный случай, не имевший какого-либо сюжетного развития.

Творчество Саши Соколова представлено в виде иерархически выстроенной жанровой системы, на вершине которой находится сверхжанровая форма, как предельно условное воплощение литературного жанра, ниже – мультижанровая форма романа, а в основании – простая жанровая форма.

Заключение

Саша Соколов является одним из самых своеобразных современных художников слова. Признанный сначала на Западе, где впервые были опубликованы его романы «Школа для дураков», «Между собакой и волком», «Палисандрия», он занял совершенно особое место в русской литературе, повлиял на творчество многих современных русских писателей. Произведения Саши Соколова переведены на английский, немецкий, французский, итальянский, испанский, греческий, польский, корейский и другие языки. Он стал лауреатом премии Андрея Белого (1982), премии журнала «Октябрь» (1986) и Международной Пушкинской премии (1996), удостоился похвалы крупнейшего писателя русского зарубежья Владимира Набокова и приобрел в глазах критиков и читателей статус единственного его преемника.

Через все творчество Саши Соколова проходят "сквозные" темы, мотивы, формулирующие его художественный мир. Здесь все условно, зыбко, нереально, персонажи дwoятся, троются, отражаются один в другом, разделяются на части, которые начинают спорить друг с другом. Повествование движется как бы само собой, не подгоняемое и не регулируемое автором. Действие может вдруг быстро понестись вперед, а может остановиться, словно "зацепившись" за мысль, образ, слово. Однажды возникнув в тексте, какое-то слово, часто с авторским, окказиональным значением, порождает эхо, которое потом долго звучит, иногда преобразуясь до противоположности. Персонаж может один раз появиться на страницах и сгинуть навсегда, а может, исчезнув страниц на сто, вдруг выплыть на поверхность в совсем неожиданном месте. Кроме того, у героев совершенно особые отношения со временем: будущее, настоящее, прошлое сосуществуют, не мешая друг другу. Поэтому умершие приходят к живым, увлекают их в свой смертельный хоровод или, наоборот, герой не может умереть, постоянно перевоплощаясь.

Романы Соколова построены по закону ассоциации, причем сумеречной, полуподсознательной, на грани сна, яви и мифа. Иногда это мотивная, образная ассоциация. В "Школе для дураков" сквозные мотивы и образы скрепляют даже не главы, а абзацы и фразы в текст. Иногда основным приемом выявления общего смысла становится лингвистическая ассоциация, "прицепляющая" одно слово к другому, один период к другому по принципу игры со словом. Русский язык является одним из главных действующих лиц всех книг Соколова. Такого чувства языка, слова нет больше ни у кого из современных русских писателей, может быть, только у И.Бродского.

В произведениях Саши Соколова гармонично сочетаются постмодернистские приёмы и поток сознания с фанатичным вниманием к слову и русские классические традиции. Арсенал же его изобразительных средств — просто шокирует.

«Школа для дураков», «Между собакой и волком» и «Палисандрия» образуют своеобразную трилогию, пронизанную конфликтом между творчеством и хаосом. В «Школе для дураков» творческая свобода воображения зримо торжествует над хаосом насилия и фиктивного существования. Причем хаотическая природа творческого воображения понимается как преимущество: именно благодаря этому качеству сознание «ученика такого-то» вступает в непосредственный диалог с миром (также хаотичным по своей природе), преобразуя его застывшие уродливые формы в поток бесконечных метаморфоз, превращающих «пригородную зону номер пять» в пространство свободного мифотворчества.

Однако уже в «Между собакой и волком» обнаруживается, что творческие метаморфозы хаотического мира не размыкают, а приумножают хаос, и тем самым не преодолевают, а приближают самоуничтожение творца. «Палисандрия» же выглядит как горькая самопародия: творческие метаморфозы оборачиваются однообразием дежавю, преодоление линейности времени приводит к вечному безвременью, свобода творческого сознания, раскрывающая его для различных, часто противоположных

состояний и форм жизни, саркастически материализована в образе Палисандра — и уродливого монстра, и блестящего супермена в одном лице.

Своеобразие творчества Саши Соколова ярче всего проявляется на уровне жанра. Практически все зрелые произведения писателя представляют собой сплав различных жанров, становясь мультижанровыми и даже сверхжанровыми в своём стремлении преодолеть любые формальные ограничения. Под мультижанровым произведением понимается такое произведение, которое состоит из нескольких основных жанровых единиц, а также включает в себя систему встроенных «служебных» жанров, призванных решать локальные художественные задачи в рамках отдельных описаний, сцен, ситуаций. Сверхжанровым может быть названо произведение, которое строится на стыке различных родов литературы, преодолевая тем самым какую-либо чёткую привязку к конкретным жанрам.

Романная проза Саши Соколова, стремясь к эстетике необарокко, включает в себя стилистически различные «высказывания», требующие соответствующего жанрового воплощения, что влечёт за собой применение в рамках романной формы нескольких основных поджанров, а также целой системы встроенных жанров. Это позволяет говорить о мультижанровом характере романов Саши Соколова.

Список литературы:

1. Аннинский Л.А. Локти и крылья: Надежды, реальность, парадоксы. - М., 1989.
2. Ащеулова И.В. Поэтика прозы Саши Соколова (изменение принципов мифологизации). - Томск, 2000.
3. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. - М., 1979.
4. Белая Г. А. Литература в зеркале критики: Современные проблемы. - М., 1988.
5. Бочаров А.Г., Белая Г.А., Воздвиженский В.Г. Современная русская литература: В 2 т. - М., 1987.
6. Вавулина А.В. Пространственно-временные отношения в русской прозе 1970-х годов (Саша Соколов «Школа для дураков»). - М., 2000.
7. Генис А.А. Горизонт свободы. Саша Соколов. - М., 2002.
8. Диваков С.В. Изучение жанрового своеобразия творчества Саши Соколова: к постановке проблемы. - Тверь, 2010.
9. Диваков С.В. Жанрообразующая роль диалога в романе Саши Соколова «Школа для дураков». - Тверь, 2011.
10. Егоров М.Ю. О постмодернистских аспектах поэтики романа Саши Соколова «Школа для дураков» // Педагогический вестник, 2003, 11 апреля.
11. Лейдерман Н., Липовецкий М. Современная русская литература (1950-1990 гг.). Т. 2. - М., 2003.
12. Липовецкий М.Н. Русский постмодернизм. Очерки исторической поэтики. - Екатеринбург, 1997.
13. Марутина И.Н. «Москва-Петушки» Вен.Ерофеева и «Школа для дураков» Саши Соколова в контексте русской литературы. - М., 2002.
14. Пумпянский Л.В. Об исчерпывающем делении, одном из принципов стиля Пушкина // Пушкин. Исследования и материалы. - Л., 1982.
15. Роднянская И.Б. Художник в поисках истины. - М., 1989.
16. Русская литература XX века. / Под ред. Ю.Лысого. - М., 2003.

- 17.Русская проза XX века. / Под ред. А.Журавлева. - М., 2004.
- 18.Русская литература XX века: В 2 т. - Т. 2 (1940-1990-е) / Под ред. Л.П.Кременцова. — М., 2002.
- 19.Русские писатели XX века: Биографический словарь / Гл. ред. и сост. П.А.Николаев. - М., 2000.
- 20.Саша Соколов Виктор Ерофеев. «Время для частных бесед» // Октябрь. 1989. № 8.
- 21.Саша Соколов Школа для дураков. - М., 2007.
- 22.Саша Соколов. Pallissandre — С'est moi? // Саша Соколов Тревожная куколка. - СПб., 2008.
- 23.Скоропанова И.С. Русская постмодернистская литература. - М.: Флинта, Наука, 2001.
- 24.Современная русская литература. / Под ред. А.Белой, А.Бочарова. – М., 1999.
- 25.Черемина Е.А. Поэтика Саши Соколова. - Волгоград, 2000.
- 26.Якобсон Р.О. Работы по поэтике. - М.: Прогресс, 1987.

www.ref.ru

<http://russia.rin.ru/>

<http://feb-web.ru>

www.litra.ru